

МЕТОД
ВЕНДИНЫ
ДЕТЕКТИВЫ
ГАЛИНЫ
РОМАНОВОЙ

Читайте захватывающие детективные
мелодрамы Галины Романовой:

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на harry end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омота	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Преступно счастливая
С первого взгляда	Изменница поневоле
Второй подарок судьбы	Закон сильной женщины
Зеленые глаза викинга	Без вины преступница
Тайна, приносящая смерть	Пленная птица счастья
Цвет мести – алый	Ничего личного, кроме боли
Не доставайся никому!	Заговор обреченных
Чужая жена – потемки!	Узнай меня
Возвращаться – плохая примета	Заповедник потерянных душ
Врачебная тайна	Ангел мщения
Призрак другой женщины	Первый шаг к пропасти
Тайну хранит звезда	Вкус запретного плода
Семь лепестков зла	Исповедь обманутой жены
Свидание на небесах	Свидетельницы зла
Ведьма отмщения	Королева отшельников
Программа защиты любовниц	Игры небожителей
Кинжал в постели	Грех с ароматом полыни
Гнев влюбленной женщины	Кукла-любовь
Лучший день в году	Позови ее по имени
Нирвана для чудовища	К северу от любви
Незнакомка с тысячью лиц	Пепел прошлого
Последнее прибежище негодяя	Псевдоним украденной жизни
Счастье с третьей попытки	Цена откровения
Подвенечный саван	Конец игры с продолжением
Заклятие счастья	Шоу семейных секретов
Торговка счастьем	В интересах личного дела
Амур с оптической винтовкой	Правда персонального формата
Месть Спящей красавицы	Простить нельзя помиловать
Демон ревности	Лабиринт простых сложностей
	Теория вероятного чуда

ГАЛИНА РОМАНОВА
НОЧЬ С РОСКОШНОЙ
ИЗМЕНИЦЕЙ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Ночь с роскошной изменницей : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-175827-1

Если бы Соня знала, какими неприятностями обернется утренняя прогулка, она тихо сидела бы дома и не высовывалась... Ей не пришлось бы доказывать свою причастность к убийству — ведь, выгуливая собаку, она наткнулась на труп лучшей подруги Тани, четыре года назад сбежавшей за границу с ее женихом и мамиными деньгами! Да, мама Тани полюбила Соню как родную и даже сделала своей наследницей. Но это не значит, что Соня способна на преступление. Вот только у милиции совершенно иное мнение на этот счет. И перед девушкой открылись врата ада...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-175827-1

ГЛАВА I

— Распишитесь здесь, пожалуйста. — Красивые длинные пальцы с коротко стриженными ногтями ткнули в нижний угол серого листа казенной бумаги.

— Здесь? — Соня судорожно вздохнула, старательно отводя взгляд от накрытого белой простыней тела.

Самого тела видно не было. Торчали лишь босые окоченевшие ступни с ярко накрашенными ноготками и волосы, буйной волной выбившиеся из-под простыни. Сколько ни пытались приехавшие оперативники прикрыть их — ничего не выходило. Жесткие непослушные каштановые пряди упорно не желали быть спрятанными...

— Да, да, здесь! Что это вы, девушка, будто вперые труп видите! — насмешливые карие глаза равнодушно скользнули в том направлении, куда она старалась не смотреть, но все равно то и дело косилась. — Обычное же дело — смерть проститутки! Так рано или поздно они все заканчивают.

Может быть, может быть, но...

Но как-то не вязался у нее облик законченной проститутки с обликом той погибшей девушки, которую она сегодня поутру обнаружила, выгуливая Муську.

Вот ведь угораздило, а!

Все как будто ополчилось против нее! Все, включая отличную погоду, погнавшую ее сегодня на берег озера!

Ведь выгуливала последние две недели чужую беспородную Муську за забором чужой дачи совершенно бесхлопотно, можно сказать, с удовольствием! Нет же, именно сегодня, в день своего отъезда, угораздило пойти прогуляться.

Прогулялась, называется!

А может, надо было слушать внутренний голос, а?! Всегда же слушала, чего сегодня оглохла?! Что там он ей сегодня с утра шептал? Вспомнить бы, вспомнить...

Так как там все это было поутру?

Муська, как обычно, бесцеремонно ухватив край легкого одеяла, потянула его на себя, смешно по-собачьи попятилась к двери. Так, все так и было, дальше...

Она ежилась еще каких-то минуты три-четыре, не больше. Потом свесила ноги, позволила Муське потереться о них жесткой рыжей шерстью. Взяла в руки поводок, который умная псина приволокла сама. Пристегнула к ошейнику, потом...

Все правильно, потом она начала одеваться.

С полузакрытыми глазами доплелась до стула в дальнем углу, стащила с него спортивные штаны, кофту с огромным карманом на животе и капюшонном. Надела носки, пригладила пятерней волосы. Покосилась на себя в зеркало и сочла, что гриву все же надо приструнить.

Кудри, будь они неладны, приходилось напомушивать, разглаживать, вытягивать специальными щипцами. На день обычно хватало. С утра — просто

кошмар. С утра все ее усилия сводились на нет ма-тушкой-природой, волосы снова скручивались спи-ралью, и грива очень сильно смахивала на львиную.

Так, она убрала волосы в хвост. Надела кроссов-ки. Вышла из спальни и начала спускаться вниз по лестнице, на ходу увещевая Муську, норовившую запутаться в ее ногах.

Прошла через кухню, успев ущипнуть крохот-ный кусочек дыни. Открыла заднюю дверь. Вышла на улицу и...

И ничего! И никаких внутренних треволнений она в это утро не почувствовала! Никаких голосов, никакого шепота. Никто не предостерег, не позабо-тился, не обезопасил. Вот она, надышавшись до яр-ких кругов в глазах густого хвойного духу, позвала Муську пробежаться по берегу.

Пробежались!..

— Девушка, пройдемте со мной.

В ее локоть впились те самые тонкие пальцы с короткими ногтями, что минуту назад тыкали в серую казенную бумагу, призывая ее в ней расписаться.

Соня отвела наконец глаза от каштановых пря-дей, в беспорядке разбросанных по траве, и попыта-лась сосредоточиться на том, кто настойчиво тащил ее к милицейскому «уазику».

И чего он, спрашивается, прицепился именно к ней?! Полно же зевак собралось, невзирая на раннее утро.

Вон и молодежь, что снимала домик через один от ее, поеживаясь, выбралась на воздух. И пожилые супруги, кажется, никогда не выпускавшие из рук бидончик и плетеную корзинку, тоже здесь. И моло-дожены, непонятно с какой блажи решившие про-

вести свой медовый месяц именно здесь, тоже подошли. Полно же народу, а он в нее вцепился.

— Почему? — удивились насмешливые карие глаза, пробивающие насквозь ее откультивированную и доведенную до совершенства выдержку. — Так с вас-то все и началось, уважаемая Софья, как вас по отчеству?

— С меня?! — она просто задохнулась от такой протокольной вседозволенной наглости. — Что вы хотите этим сказать?!

— Ничего страшного, поверьте. — Тонкие пальцы оказались очень сильными и намертво держали ее локоток, постепенно увлекая ее к машине. — Просто вы получаете у нас единственным на теперешний момент свидетелем, так?

— Я?! Свидетелем?! Так я же ничего не видела!

София попыталась упереться подошвами кроссовок в землю и не позволять, чтобы всякие там тащили ее непонятно куда. Но трава от утренней росы была еще очень скользкая. Ноги от длительной прогулки и неожиданного, нежданного просто-таки потрясения плохо слушались. А руки у малого были очень сильными, поэтому уже через мгновение она сидела на заднем сиденье милицейской машины и с возмущением выслушивала мягкую скороговорку кареглазого оперативника.

— Понимаете, теперь нам важно знать каждую мелочь. Ведь пока вы бежали в домик за телефоном... — последовала неожиданная пауза. — Кстати, а почему вы его не взяли с собой? Ведь логично же предположить, что, отправляясь на прогулку, молодая девушка должна...

— А я вот сочла, что не должна! — фыркнула София сердито и отодвинула свое колено от его, та-

кого же настырного и наглого, как и его пальцы. — К тому же я не собиралась так далеко уходить.

— Почему же ушли?

— Потому что захотела! Это что, противозаконно?!

Она просто задыхалась от его нелепых вопросов. От глупой ситуации, которая вовлекла ее в непонятные протокольные разборки! Задыхалась от салонной вони, забивающей нос мужицким потом, дешевым табаком и кремом для ботинок, приторно отдающим «Тройным» одеколоном. И задыхалась еще от жалости к той девочке, труп которой нашла сегодня утром в траве.

Она не могла быть проституткой, как бы ни пытался убедить ее в этом нахальный кареглазый оперативник, представившийся Олегом Сергеевичем Снимчиковым. Не могла!!!

Не то чтобы Соня так уж часто встречала в своей жизни проституток, но...

По телевизору видела? Видела! В соседнем подъезде жила Сашка, зарабатывающая себе на жизнь как раз этим? Жила! И еще...

Ох, как не хотелось об этом вспоминать именно сегодня, как не хотелось, но что делать!

Однажды, когда по нелепой случайности Соне пришлось провести целую ночь в обезьяннике, она их видела там — этих женщин. Не одну и не две, а целую бригаду. Результат рейда, как отрапортовала одна из них, то и дело сплевывая на и без того загаженный пол. Соня провела целую ночь бок о бок с проститутками. Слышала, о чем они переговариваются. О чем горюют, чем озабочены всерьез, а чем так себе, не особо заморачиваясь.

Короче, представление имела, что конкретно собой представляют дамы древнейшей профессии.

Найденная ею убитая девушка не была похожа ни на одну из них!

— А на кого, по-вашему, она похожа?

Олег Сергеевич на какое-то время зажмурил свои насмешливые глаза.

Господи, ей сразу стало легче дышать! И это, проходя — как он изволил выразиться — по делу свидетельницей! Что было бы, заподозри он ее хоть в чем-нибудь?! Да он бы испепелил ее своим сарказмом, он пробивал бы брешь за брешью в ее самообладании и путал бы, и навязывал свое мнение, и заставлял бы в него поверить...

Вот опять он, едва распахнув глаза, сразил ее наповал очередным гнусным вопросом:

— Откуда, позвольте поинтересоваться, у вас такое знание, как именно должна и может выглядеть путана, уважаемая Софья, как вас по отчеству, все забываю?

— Не позволю, — огрызнулась она и тут же забила в угол, поближе к двери и подальше от его вездесущих глаз и коленей. — Не позволю вам поинтересоваться, уважаемый Олег Сергеевич, помню все же ваше отчество, представляете!

Кажется, ей удалось его смутить. Правда, ненадолго. Он очень быстро нашелся и снова ее уколол, или как там на их профессиональном языке это называется.

— Вы сказали мне, что собака не ваша, так?

— Допустим.

— Дача тоже, стало быть, не ваша? Та самая дача, откуда вы поутру выбрались прогуливаться с чужой собакой? Я правильно понял ваши слова? —

Теперь Олег Сергеевич смотрел не на нее, а в окно на толпу зевак, будто выбирал себе новую жертву.

— Правильно, дача не моя. Собака тоже не моя. Но я не выбиралась оттуда, а... А просто вышла через дверь.

— Через которую? В том доме, насколько мне известно, два входа. Тот, что ведет с крыльца. И тот, что...

— ...с кухни, да, правильно! Через нее — через заднюю дверь — я и вышла, а не выбралась, подчеркиваю, выгуливать собаку.

— Как вы там оказались? Почему вы жили в отсутствие хозяев на чужой даче и выгуливали при этом чужую собаку? У вас имеются при себе документы, удостоверяющие вашу личность и удостоверяющие ваше право на проживание в чужом доме?

Его вопросы сбивали ее с толку, они были слишком двусмысленными и, как ей казалось, заведомо пытались обвинить ее в чем-то. И на какой-то момент ей даже стало страшно. И пришлось глухое раздражение на саму себя, рьяно кинувшуюся выполнять дурацкий свой гражданский долг.

Ну, нашла она мертвую девушку, и что с того? И ведь даже не сама нашла, а Муська, которая принялась лаять на чью-то босую ногу, выглядывающую из травы по щиколотку. Была бы умной, взяла бы собачку на руки. Не полезла бы в траву. Не помчалась бы потом на дачу за мобильником и не стала бы, путаясь в кнопках, набирать номер службы спасения.

Она все сделала, как надо. Так она тогда считала. Вызвала милицию. Вернулась на место, где обнаружила труп. И проторчала там потом еще минут сорок, пританцовывая от нетерпения и ужаса.

Дотанцевалась, что называется!

— Удостоверение личности у меня имеется, но оно в доме! На даче, то есть! — выпалила Соня с обидой.

— А почему не с собой? — задал очередной нелепый, на ее взгляд, вопрос Олег Сергеевич и снова глянул так, что затошнило.

— А у кого хватит ума, отправляясь гулять с собакой, хватать в полшестого утра с полки паспорт? — возмутилась Соня. — К тому же мы с Муськой всегда гуляли возле забора под соснами, а сегодня...

— Да, именно! — Ох, как он обрадовался, даже разулыбался от удовольствия, что уличил ее хоть в чем-то. — Что же сегодня погнало вас к озеру? Это, если не ошибаюсь, почти полтора километра, а? И как насчет документов, удостоверяющих право...

— Послушайте, Олег Сергеевич!

Все, ему все же удалось лишить ее самообладания, которое она укрепляла в себе, пестовала и подпитывала любым уроком, преподносимым ей жизнью. Все моментально изничтожил этот протокольный тип с веселыми, казалось бы, карими глазами. Все перемешал и переиначил.

— Послушайте, Олег Сергеевич! — снова повторила Соня, уже с трудом сдерживая слезы. — Какое может быть удостоверение, подтверждающее личную дружбу, а?! В каком таком органе выдают справку, что такой-то или такая-то очень привязаны друг к другу и...

— Вы привязаны к Анне Васильевне?! — Он сделал удивленное лицо, продолжая пододвигать свои крепкие коленки к ее. — Поверил бы, будь вы подругой ее дочери! Но Анна Васильевна и вы — подруги? Не верю, уважаемая Софья...

— Андреевна! — выкрикнула она с чувством; все, она его уже почти ненавидела. — Андреевна мое отчество, которое вы все никак не можете запомнить! Можете не верить, но Анна Васильевна очень ко мне привязана! Потому что... Потому что...

И она совершенно не к месту расплакалась!

Зачем было показывать свою слабость и боль, утихшую пару лет назад? И перед кем?! Перед этим сухим, бесчувственным и надменным типом, прикрывающимся милой смешинкой в карих глазах!

Разве есть ему дело до того, что случилось уже давно? У него тогда и звания-то наверняка никакого не было. Ни звания, ни опыта, ни умения задавать свои выворачивающие душу вопросы. Только все перечисленное и бывает нажитым. Все остальное...

Все остальное нужно пережить, вымучить, выстрадать и постараться забыть со временем.

— Софья Андреевна, успокойтесь, прошу вас, — усталым голосом попросил Олег Сергеевич, и ей на ладонь белым лепестком упал бумажный носовой платок. — Вытрите глаза и давайте все снова, по порядку.

— Я уже все рассказала вам, — возразила она гнусаво, зажав нос платком. — Я пошла гулять с Муськой! Погода была прекрасная. Сегодня мне надо было уезжать. И я решила пойти прогуляться напоследок. И пошла напрямиком к озеру. Ну, нравится мне это место, что здесь такого, не пойму?!

— Да нет, ничего, — с поразительной покорностью согласился Олег Сергеевич. — Что дальше?

— А дальше...

Тут она внезапно насторожилась. Вдруг забылось ко всем чертям, в какой именно последовательности она рассказывала ему об этом в самый пер-

вый раз. Тогда, когда он только выпрыгнул едва ли не на ходу из этой вот самой машины и пошел к ней, тревожно осматривая все вокруг.

Как именно она рассказала ему тогда обо всем?! Что сначала, а что потом?! Ведь сейчас привяжется к деталям и снова начнет выворачивать душу наизнанку, перекраивая на нужный ему лад все реалии.

— А дальше... Дальше я, кажется, смотрела на воду. А Муська вдруг принялась громко лаять. Я пошла к ней. Смотрю, нога. Я полезла в траву, а там... Я побежала в дом за мобильником, позвонила вам. Вы приехали, и... и началось!.. Что вы ко мне пристали, не пойму?! Разве я что-то не так сделала?!

— Все вы сделали так, Софья Андреевна, — перебил он ее с непонятым чувством, какая-то человечность, что ли, проскользнула на этот раз. — Все так... И если бы не...

— Что? — Соня посмотрела все же на него.

— Вы хорошо рассмотрели погибшую? — вопросом на вопрос ответил Олег Сергеевич.

— Нет! Я и вовсе на нее не смотрела! Точнее... Лица... Лица я не видела... Одежду рассмотрела очень хорошо, все чистенько, дорого, стильно, поэтому я и решила, что погибшая...

— Не проститутка? — закончил он за нее, потому что Соня внезапно замялась, слишком часто за минувшие томительные минуты она произносила это непристойное слово.

— Ну, да!

— А лица вы не видели?

— Нет.

— Потому-то и не узнали, очевидно. — Он снова прикрыл глаза.

— Не узнала кого?

— Дочь Анны Васильевны, — коротко ответил оперативник и впился в нее взглядом без намека на улыбку.

— Таню??? Вы хотите сказать, что это... Там... — Соня принялась тюкать пальчиком по оконному стеклу милицейской машины в том самом направлении, где распластался на траве под белой простыней труп неизвестной девушки. — Что там лежит Таня?! Вы это хотите сказать?!

— Именно, уважаемая Софья Андреевна. — Олег Сергеевич глубоко вздохнул. — Та самая Татьяна, которая уже как четыре года числилась без вести пропавшей. И та самая, чье место подле Анны Васильевны с некоторых пор заняли вы. А теперь давайте подумаем вместе, что у нас с вами получилось, и попытаемся вспомнить, как и при каких обстоятельствах вы видели погибшую в последний раз...

ГЛАВА 2

Танюша Сочельникова всегда была ее подругой. Сколько себя помнила Соня, столько она помнила рядом с собой Танюшу. Они так долго, так тесно и так преданно дружили, что со временем их стали принимать за родных сестер. Обе рыжеволосые, обе длинноногие, с удивительными голубыми глазищами. Правда, волосы у Сони вились от природы, а Танюшка вечно мучилась с бигуди.

Детский сад, школа, институт с замороченной специальностью химической технологии полупроводниковых металлов, который Соня закончила блестяще, а Танюша...

Взяла и оборвала учебу на третьем курсе. Ни причины, ни объяснения, ни просто мало-мальски

толкового разговора по этому поводу у Тани с матерью не состоялось.

Анна Васильевна Сочельникова — женщина от природы властная, удачливая и не в меру своей половой принадлежности деловая — пребывала в глухом ступоре почти полгода. А через полгода решила вдруг по непонятной причине отселить от себя дочь в другую квартиру.

— Пускай поживет одна, прочувствует, почем фунт изюма, тогда вот и поговорим! — рокотала она под сводами собственной двухуровневой квартиры, тыча в Соню пальцем. — Ты ей не пример, оказывается! Ты не так красива и удачлива, получается! А она!.. Она хочет крутить задницей всю жизнь?! Думает, что это будет помогать всегда?! Вот и поглядим, что из этого выйдет!..

Ничего путного из этого не вышло. Ничего!!!

Танюшка поначалу идею матери восприняла с радостью. Щебетала, собирая вещи. Прыгала по новым комнатам, благо мать не поскупилась и купила ей «трешку». С воодушевлением носилась вместе с Соней по магазинам, скупая цветочные горшки, ненужные панно и плакаты с глупо улыбающимися красавицами. И даже новоселье устроила. И готовили они по старой дружбе вместе. И плова было много, пельменей, которые вручную лепили два дня подряд, закусок, колбас и сыров. Водки почти не было. Было что-то другое, отчего новые друзья Татьяны, после очередного захода в ванную, становились все веселее и веселее. Что это было, Соня поняла много позже. В тот вечер ей было не до этого. Она майской пчелой носилась от огромного стола в гостиной на кухню и обратно, меняла тарелки, подкладывала новые порции уже съеденных блюд, потом

мыла, чистила, развешивала выстиранные полотенца. И ничего почти не замечала.

Излишней задумчивости подруги Соня нашла объяснение, оказавшееся очень выгодным для них обеих.

Соню оно избавляло от лишней головной боли — и так устала.

Татьяну избавляло от лишних объяснений, которые она так не любила.

Расстались, как всегда, обнявшись, расцеловавшись и обещая друг другу не пропадать, звонить, забегать, заходить.

Что Соня первое время и делала исправно. Звонила, заходила, забегала, даже если катастрофически не хватало времени. Не беда! Она же обещала не забывать любимую подругу! Она и не забывала. Она все и делала так, как обещала. Правда, со временем все чаще отделялась одними звонками.

Ну не хватало этого проклятого времени! Хоть убей, ни на что не хватало!

Родители постоянно требовали внимания к себе. Опять же новое знакомство, которое казалось на тот момент весьма перспективным. Защита диплома. Распределение, которое нужно было еще заработать. А чтобы заработать, надо было себя зарекомендовать.

Тянулась из последних сил, не замечая, как стремительно листается настенный календарь.

Вдарило по тормозам в тот самый день, когда перспективный со всех сторон молодой человек по имени Никита, очень выгодно тянувший на кандидатуру ее возможного спутника жизни, вдруг объявил, что уезжает в Германию. Она — идиотка наивная — так обрадовалась, что запела, закружилась,

открыла дверцу шкафа и начала швырять в остолбеневшего Никиту своими вещами.

— Это подойдет твоей Германии, а? — смеялась от счастья Соня. — А в этом я как возле Рейхстага? Подойдет?

Потом присмотрелась и поняла, что с Никитой творится что-то не то. Парень покрылся холодным липким потом, отчего его тонкая сорочка плотно прилипла к крепкой груди. Соня тут же перестала смеяться, бросаться в него юбками и кофточками, присела и спросила...

Потом много раз ругала себя. Вот не спросила бы, думала, может, и пронесло бы. Посопел бы, потел бы, а потом, глядишь, и одумался, взял бы ее с собой. А когда спросила, куда же ему было деваться! Он и ответил честно, что едет туда один. И что ее взять с собой ну никак не получится.

Она бы и ничего, подождала бы и уехала к нему, когда бы получилось, не задай ему следующего невероятно глупого вопроса.

И Никита — непорочная душа — снова ответил ей честно. Что не ответить, спросила же!

Да, мол, ждет его там франкфуртская красавица с пышной белой косой и белой пышной грудью. Шутка, конечно же, и про грудь, и про косу. Но девушка у него там была. Ждала и жаждала выскочить замуж за молодого, красивого и очень-очень перспективного.

Не вышла она за него замуж! Не срослось и не получилось у них интернациональной семьи. Никита тут же бросился опять в Россию и в ноги Соне бросился, и пенял ей и корил за то, что так торопилась с вопросами своими. Не знала бы ничего, жила бы в неведении, как бы все удачно у них сложиться могло.

Соня не простила. Она как будто умерла в тот день, когда он ей во всем признался. Превратилась в куклу-робота без чувств, без любви, без волнений, с одним лишь чувством долга. Этот долг заставил ее с блеском защититься. Устроиться на работу и проработать там по сегодняшний день.

— Буду делать карьеру! — заявила она оторопевшей Татьяне, глядя на нее сухими горящими глазами. — К черту любовь, к черту семью, всех мужиков к черту! Твоя мать прекрасно обходилась без всего этого всю свою жизнь. И смотри, какая она!!!

— Какая? — вяло поинтересовалась тогда подруга, не разделяя Сониных восторгов.

— Самодостаточная, вот!!! Ее ничто не способно сломить, у нее все есть! Она обо всем позаботилась! Мне, если честно, очень хочется быть такой, как она. Она ведь... Она ведь, Танюша, если подумать, очень хорошо защищена от боли всем тем, что создала! Защищена...

Это была их последняя с подругой встреча. Самая последняя. Больше она не видела Таню.. живой. Оказалось, что сегодня увидела мертвой, но не рассмотрела, не узнала.

— Вы мне не верите?! — ужаснулась Соня, глядя в макушку Олега Сергеевича. — Вы мне не верите? Почему?!

— Давайте поговорим об этом в отделении, хорошо? — промямлил он как-то неуверенно и полез из машины. — Вы подождите меня. Никуда не отлучайтесь.

— А... а как же Муська?! Мне ее можно будет забрать? — переполошилась сразу Соня, вспомнив про забытую всеми собаку, чей отчаянный лай по-

сился сейчас по поляне перед озером. — Что с ней будет?

— О ней позаботятся, не беспокойтесь. Здесь есть соседи Анны Васильевны, они за собачкой присмотрят. А вы посидите пока в машине, Софья Андреевна. И не поднимайте шума, я вас очень прошу.

И Олег Сергеевич, выбравшись из машины, громко захлопнул за собой дверь. Словно приговором пригвоздив ее стуком этой захлопнувшейся двери. Словно уже обвинил.

Так! Стоп! Ее что же — арестовывают?! О, господи, нет! Это неправильно! Это же несправедливо! Она же не виновата ни в чем! Она ведь только... Только собаку вышла поутру выгулять. И совершенно случайно наткнулась на труп молодой девушки, с чего-то вдруг оказавшийся трупом ее пропавшей без вести подруги.

Соня выглянула в окно милицейского автомобиля, который ей категорически запретили покидать.

Народу собралась тьма-тьмуца. За понурыми головами пожилых пенсионеров, тех, что не расставались с бидоном и плетеной корзинкой, уже маячила голова Виктора Гавриловича — соседа Анны Васильевны по огороду. И голова эта то и дело сокрушенно покачивалась из стороны в сторону. Внуки его прибежали — два сорванца-близнеца, обладающие уникальной способностью разносить новости по дачному поселку со скоростью, опережающей средства массовой информации. Молодая вдова какого-то бизнесмена, застреленного прямо у нее на глазах полгода назад, почти вприпрыжку подбежала к толпе и тут же ухватилась за сердце, очевидно, услышав новость из первых уст. И народ все подходил и подходил. Охали, ахали, всплескивали руками, ко-